

УДК 930

А.В. Васильев

**ПОНЯТИЕ «УМОНАЧЕРТАНИЕ ВЕКА» В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ
ВРЕМЕН ЕКАТЕРИНЫ II**

Изучается рецепция просветительской историографии в России второй половины XVIII в. на примере понятия «умоначертание века». Исследуется роль данного понятия в исторических сочинениях эпохи Екатерины II и его значение в развитии исторического сознания.

Ключевые слова: история понятий, умоначертание века, Екатерина II, И.И. Голиков, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин.

Если говорить об исторических взглядах историков эпохи Екатерины II как о некоем единстве, то вряд ли можно найти лучшее их изложение, чем у самой императрицы в её известном письме французскому писателю-эмигранту Сенаку де Мельяну. Существует несколько переводов этого письма, написанного по-французски в 1791 г.; самый последний, обещающий быть наиболее точным, принадлежит П.В. Стегнью. Разбирая планы Мельяна относительно труда по истории России XVIII в., Екатерина II, среди прочего, советовала ему не забыть о «духе века, отличавшем каждое царствование», и попытаться поставить себя на место тех, о ком он собирается писать, поскольку «все мы – лишь люди на этой земле, и каждый век имеет свой дух и свою тенденцию» [1. С. 335]. Эти слова подводят итог многолетней работы Екатерины II в качестве историка, но на первый взгляд кажется, что они опережают развитие российской историографии на несколько лет: согласно «Словарю русского языка XVIII века» впервые выражение «дух века» в русском языке использует Н.М. Карамзин [2. С. 37], и именно он, согласно исследованиям современных историков, введет это понятие в исторические сочинения [3. С. 97–98]. Однако этот вывод был бы преждевременным.

Сложности возникают из-за понятия «esprit du siècle», которое традиционно переводится как «дух века». Слово «дух» действительно употребляется для перевода французских словосочетаний с «esprit», однако в качестве нормы такая практика закрепляется лишь к концу XVIII в. До того как это произошло, наблюдалось многообразие вариантов перевода, причём за этим скрывались не только лингвистические трудности, связанные с многозначностью французского слова. Невозможность адекватного перевода задевала национальную гордость, о чём свидетельствует, например, Д.И. Фонвизин: «Часто, как будто в доказательство превосходства французского языка пред нашим, спрашивают: как

перевести по-русски esprit?» [4. С. 231]. Действительно, по тому месту, которое это понятие занимало в сочинениях французских просветителей, оно требовало к себе повышенного внимания. Монтескьё мог ставить перед законодателем задачу соотноситься с «народным духом» («esprit national»), вырастающим из «климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов и обычаев» [5. С. 412]. Вольтер в своих исторических сочинениях требовал от историка некоего общего взгляда на вещи, а именно учёта «духа века» («esprit du siècle»), управляющего мировыми событиями [6. С. 402]. В конечном итоге понятие «духа» включалось в фундаментальную просветительскую оппозицию естественного и искусственного порядка вещей (соответственно Разума и предрассудков): Монтескьё писал о «духе» как о «природном гении» [5. С. 412]. На этом фоне слова Фонвизина не удивительны: не только русский язык обвинялся в неспособности перевести «esprit», но и сами русские могли, например у Руссо, рассматриваться как народ, в результате петровских реформ отклонившийся от своего естественного состояния [7. С. 183]. Известно, что Екатерина II в своём «Наказе» пыталась обосновать обратное и описывала российскую монархию как раз с точки зрения Монтескьё как сообразную с «народным духом» [8. С. 123–127]. До сих пор, однако, мало обращено внимания на то, что в своей историографической практике она пользуется подобным же приёмом, беря на вооружение не столько «народный дух» Монтескьё, сколько «дух века» Вольтера. О вольтеровских требованиях к историческим трудам в России знали хорошо: уже в 1767 г. в сборнике «Переводы из энциклопедии» была представлена его статья «История». При этом интересно, как переводчик А.А. Ржевский переводит фразу Вольтера о «духе века». Вольтер пишет о задачах историка – «во множестве переворотов он улавливает дух времени и нравы наро-

дов» [9. С. 12] (в оригинале: *l'esprit des temps & les moeurs des peuples*) [10]). У Ржевского эта фраза выглядит следующим образом: «примечать из многочисленных перемен разумы и нравы людей разного времени» [11. С. 13]. Этот пример говорит о начальном пути рецепции данного понятия в России. Иным путём идёт Екатерина II. В «Наказе» при переводе словосочетаний с *«esprit»* она чаще всего использует слово «умствование» [12. С.10,12]. Но появляется и новообразование – *«l'esprit de l'etat»* переводится как «умоначертание государственное» [12. С.126]. Причём, как показал Н.Д.Чечулин, в первоначальном русском переводе «Наказа», с которым работала Екатерина II, было написано «душа государственная», но императрица исправила на «умоначертание государственное», что свидетельствует о её личной позиции в этом вопросе. В одном из связанных с «Наказом» текстов Екатерина II будет писать также об «умоначертании сего века» [13. С.231]. Это выражение, по-видимому, и стоит рассматривать как одну из ранних калек вольтеровского *«esprit du siècle»*.

В «Наказе» Екатерина II пытается обосновать соответствие российской монархии «народному умствованию» России – в ответ на упреки в деспотизме со стороны некоторых европейских писателей. «Умоначертание времени» появляется в такой же роли, но на этот раз в исторических сочинениях. Самое крупное предприятие Екатерины II в области историографии – «Записки касательно российской истории», выходявшие по частям с 1783 г. – в своем теоретическом введении строится именно вокруг этого понятия. Как многие крупные историки XVIII в., Екатерина II объясняет появление своего труда необходимостью ответа на иностранные сочинения по истории России, «кои скорее можно именовать сотворениями пристрастными». Эти книги исполнены «злых толков» и погрешностей против правды. Того, что делает их пристрастными, может избежать читатель беспристрастный, если он сумеет «сравнить Эпоху Российской истории со историями современников великих князей российских каждого века». Из сравнения читатель должен понять, что все европейские народы, к коим очевидно относится и российский народ, в своей древней истории проходят через одинаковые стадии, и у них одинаково и медленно просвещаются «обычай, мнения и мысли». Иными словами, нужно увидеть «умоначертание всякого века», дабы избавиться от иллюзии, что российской истории свойственны какие-то особенные страсти и пороки по сравнению с европейской историей: «род человеческий везде и по вселенной одинакия имел страсти, желания,

намерения и к достижению употреблял не редко одинакие способы» [14. С. 5–6]. Данное понятие не прозвучит больше на страницах «Записок», и императрица лишь попробует провести заявленную сравнительно-историческую программу, поместив в них хронологические таблицы современных тому или иному русскому князю правителей в других странах. Несколько лет спустя она повторит свою историческую концепцию в письме Сенаку де Мельяну, и это будет определенным итогом в развитии её взглядов на историю. Позиция Екатерины II была чисто прагматической, однако она способствовала появлению нового взгляда на историю. Исторические сочинения конца XVIII в. будут пронизаны идеей поиска «умоначертаний», хотя не всегда следует связывать их напрямую с призывом императрицы. Речь идет скорее об общности поисков.

О прямом влиянии можно говорить уверенно лишь в одном случае. Речь идет об авторе многотомных «Деяний Петра Великого» и «Дополнений» к ним – И.И.Голикове (1735–1801). Он отрицательно относился к современным ему историческим теориям, сам редко теоретизировал, но тем характернее то, что несколько новаторских концепций он всё-таки вынужден использовать: особенно в тех случаях, когда нужно что-то противопоставить обвинениям Петра I в жестокости. В частности, он упоминает Монтескьё, точнее его переложение Екатериной II. Он цитирует параграф «Наказа» о «многих вещах», господствующих над человеком, от которых рождается «общее в народе умствование». Этой цитатой он пытается убедить читателей в том, чтобы они судили о прошлых обычаях «не иначе, как перенесая мыслями в те времена» [15. С. 173]. В другом месте он придумает новую метафору и будет писать о том, что нужно не только мыслями перенестись в другое время, но и «преобразиться в тогдашнего человека» [16. С. 303]. Ещё до этого он найдет нужные слова у шотландского историка Вильяма Робертсона: «Нет обильнее источника заблуждений, как чтоб судить об установлениях, порядках и нравах прежних по обыкновениям и понятиям настоящих времен» [17. С. 125] (При этом сам Робертсон, видимо, взял эту мысль у Монтескьё: «Переносить в давно минувшие века понятия своего времени – значит обращаться к обильному источнику заблуждений» [5. С. 669]). Требования учитывать разницу в прошлых и нынешних нравах Голиков неизменно оформляет при помощи понятия «умоначертания веков». Это проявляется и в структуре томов, некоторые главки которых имеют названия: «Сравнение умоначертаний того

времени дворян с нынешними» [18. С. 235–236], «Умоначертание тогдашнего времени в рассуждении наказаний за преступления» [19. С. 45–46]. Чаще всего во всех этих примерах речь идет о необходимости рассматривать некоторые отклонения от должного порядка вещей с точки зрения непросвещенности тогдашних времен, как, например, в известном пассаже о кнуте, «который по тому, яко обыкновенное орудие наказания, не был столько страшен и так уважаем, как ныне» [19. С. 88–89]. Но не всегда говорится только об отрицательных моментах истории Петра I; Голиков подчеркивает и положительные черты прошлого «умоначертания». Например, «надворных судей» было мало потому, что в «умоначертании того времени людей» было сильно уважение «младших к начальникам семей», к которым и обращались прежде всего за помощью [20. С. 148]. «Умоначертание века» – широкая характеристика нравов, подчеркивающая разницу между современным и прошлым их состоянием.

Более самостоятельным путём шёл официальный историограф М.М. Щербатов (1733–1790). Впрочем, и в его трудах можно найти много перекличек с Екатериной II, и даже с Голиковым. Собственно, самого Щербатова принято рассматривать как одного из первых историков, введших в исторические сочинения особый раздел о «внутреннем состоянии» государства в те или иные эпохи [21. С. 232] («рассмотрение о состоянии России, ее законов, обычаев и правлений» во втором томе [22. С. 253–264]). Интересно, что по мере работы над «Историей» (первый том вышел в 1770 г.) эта линия будет проводиться более последовательно, но другими средствами. На определенном этапе труда он также будет призывать учитывать «умоначертание тогдашних времен» и даже, если судить по отдельным высказываниям, видеть в этом одну из основных задач историка. Если во введении к первому тому, в котором излагаются его взгляды на историческую теорию, он ни разу не упоминает об этом понятии, то в дальнейшем он использует его неоднократно. Так, в четвертом томе он удивляется вмешательству духовенства в светские дела в XIV в., что, на его взгляд, есть проявление непросвещенности, но затем добавляет: «в сем случае надлежит войти в умоначертание тогдашнего века» [23. С. 16], как бы напоминая себе об исторической дистанции. Неоднократно он будет приводить развернутые цитаты из источников – не для того, чтобы показать связь «причин и действий», что свойственно его подходу, но для характеристики «умоначертаний»: «Грамота сия яко показующая умоначерта-

ние тогдашнего века показала достойна быть в сию историю вмещена» [23. С. 397], «Взаимные неумеренные требования предложил я здесь токмо для показания, каким образом тогда мирные договора начинали, и для изъявления умоначертания того века» [24. С. 243], «Я обстоятельства сии о смерти сего Татарского царевича предложил для показания умоначертания тогдашнего века» [25. С. 288.] и т.д. Эти слова не обязательно вытекают из призыва Екатерины II (часть из приведенных цитат относится ко времени, предшествующему 1783 г., когда в «Собеседнике любителей российского слова» начали публиковать «Записки»). Но тем характернее совпадение исторического метода. Ведь хотя у Щербатова не всегда проводится линия на сравнение эпох русской и европейской истории, а стремление дать картину «умоначертания веков» часто носит самостоятельный характер, он всё же, как и Екатерина II, внося в «Историю» характеристику состояния нравов в определенные периоды российской истории, тем самым доказывает её естественный характер.

Нагляднее всего это проявляется, когда речь заходит о Петре I, – как и все русские образованные люди этого времени Щербатов особо щепетил к обвинениям императора в жестокости. Этой теме он посвятил специальное сочинение под названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». Пётр I, на взгляд Щербатова, полностью преобразовал Россию, поставил её на такую ступень, что «чужестранные народы удивляются». Его царствованию действительно были присущи жестокость – «пороки и самовластие», однако рассматривать их нужно «непристрастным оком», и «сообразя с обстоятельствами времен, как в рассуждении тогдашнего умоначертания Россиян, в рассуждении тогдашних обстоятельств и нравов, так и в рассуждении намерений Петра Великого» [26. С. 9]. Некоторые пороки «тогда и пороками не считались», а происходили «от тогдашней грубости нравов и от тогдашнего воспитания». И сам Пётр I родился в эпоху междоусобий, «при таковом умоначертании», когда обыкновенны были «казни смертные, пытки, убийства» [26. С. 10]. Щербатов подробно останавливается на состоянии нравов этого времени: бояре горды, народ суеверен, науки отсутствовали и т.п. «Всякий век имеет свои нравы», а в тот век «побои не инако, как по болезни посчитали, не считая их себе в бесчестье» [26. С. 15], высказывает он мысль, схожую со словами Голикова. Иными словами, все «эксцессы» царствования «не в порок особе Петра Великого должно приписать, но в порок умоначертанию тогдашнего времени» [26. С. 16].

Проследивая далее историю концепции «умоначертания веков», нужно упомянуть И.Н. Болтина (1735–1792). Он традиционно считается основоположником сравнительного метода в отечественной исторической науке, ему в заслугу ставится то, что он привел российскую историю в связь с европейской, стал рассматривать её как часть мировой истории. Как было показано выше, поиски этой связи – характерная черта екатерининской историографии в общем, как и сам Болтин – очень яркий ее представитель, олицетворяющий полемическое качество этой историографии. Понятие «умоначертания» Болтин использует реже, чем его современники, но в целом движется в той же логике. Как и Екатерина II, он выдвигает тезис о единстве человеческой природы: «Во всех временах и во всех местах человеки, находясь в одинаковых обстоятельствах, имели одинаковые нравы, сходные мнения и являлись под одинаким видом» [27. С. 243]. В ответ на заявления французского историка Леклерка о дикости русских в какой-либо период времени Болтин пытается показать, что и другие европейские народы были в таком же состоянии в это время. Имея в виду Русь при Рюрике и его первых преемниках, Болтин писал, что «образ жизни, правления, чиновостояния, воспитания, судопроизводства тогдашнего века русских таков точно был, каков первобытных германцев, британцев, франков и всех вообще народов при первоначальном их совокуплении в общества» [27. С. 308]. То, что здесь перечисляет Болтин, – это элементы «умоначертания веков» екатерининской историографии. Комментируя эту фразу Болтина, Д.Н. Шанский замечает, что «признание первобытного состояния необходимой ступенью для всех народов роднило взгляды историка с построениями просветительской историографии и вплотную подводило к прогрессивному для своего времени выводу о равенстве их, невозможности их разделения на «избранные» и «дикие» [28. С. 133]. Действительно, линия на сравнение различных состояний российской и европейской истории у Болтина проводится отчетливее, чем у Голикова или Щербатова. Однако рассматривать его нужно лишь среди прочих историков, решавших одну и ту же задачу, заключающуюся в опровержении различных несогласных с национальной гордостью заявлений европейских или российских историков, и ставивших выполнение этой задачи на почву сравнения «умоначертаний», т.е. состояний и изменений нравов различных обществ в различные времена. Болтин во многом завершает эту историографическую практику и делает из неё новые выводы.

Понятие «умоначертания века» появилось на свет в полемике и имело конкретную задачу – описать историю России на манер современной просветительской историографии и опровергнуть пристрастные, с точки зрения российских авторов, исторические сочинения иностранцев о России. Но одновременно с этим оно вносило нечто новое в историческое сознание эпохи. Рождалось понимание того, что феномены исторической жизни нужно изучать с точки зрения времени их бытования, что нужно «погружаться» в прошлое и считаться с его собственными нравами. Из попыток защитить русскую историю выросло представление о том, что различные общественные состояния можно рассматривать лежащими на одной линии, на которой их можно соотносить друг с другом с точки зрения отставания или равенства в прохождении через определенные этапы; о том, что различные государства различаются не по степени «славы», как это было у историков первой половины века, а по уровню исторического развития. Этот уровень и обозначался понятием «умоначертания», под которым понималась развернутая характеристика нравов общества, влияющих, в свою очередь, на все остальные стороны жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стегний П.В. Время сметь, или Сушая служительница Фива: Хроники времен императрицы Екатерины Великой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 448 с.
2. Дух // Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7: (Древо — Залежь). СПб.: Наука, 1992. С. 36–39.
3. Рудковская И.Е. Терминологические предпочтения историографов позднего просвещения (От Д. Юма до Н.М. Карамзина) // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 5 (95). С. 92–99.
4. Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 223–226.
5. Монтескьё Ш. О духе законов // Монтескьё Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 157–733.
6. Косминский Е.А. Вольтер и историческая наука // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 397–417.
7. Руссо. Ж. Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151–302.
8. Ширле И. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII в. // “Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе”. К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 119–137.
9. Вольтер Ф. История // История в энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. С. 7–18.
10. Voltaire Histoire [Электронный ресурс] // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers. URL: <http://www.eliohs.unifi.it/testi/700/voltaire/histoire.html>
11. Переводы из энциклопедии. М., 1767. Ч. I. 122 с.
12. Чечулин Н.Д. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. 341 с.

13. *Черновые* собственноручные отрывки Екатерины II из обряда управления комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. X. С. 230–234.
14. *Екатерина II*. Записки касательно российской истории // Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 8. С. 3–462.
15. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1791. Т. 7. 479 с.
16. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 10. 499 с.
17. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. 368 с.
18. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 13. 420 с.
19. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 4. 450 с.
20. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1797. Т. 18. 604 с.
21. *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Культура, 1993. 761 с.
22. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1771. Т. 2. 575 с.
23. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. 4. Ч. 1. 598 с.
24. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. 5, ч. 2. 444 с.
25. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1790. Т. 6, ч. 1. 328 с.
26. *Щербатов М.М.* Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1860. Кн. 1. С. 1–22.
27. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 2. 558 с.
28. *Шанский Д.Н.* Из истории русской исторической мысли. И.Н. Болтин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 152 с.